

УДК 124.1:242.5-264

В. В. Климович

Хаос и его воплощения в китайских мифах

Исследуется концепция хаоса, которая, развиваясь в рамках даосской философии, сложилась в китайской мифологии, ориентированной на осмысление антиномий человеческого бытия, взаимоотношений земного и космического начал. Автор, анализируя космогонические и эсхатологические сюжеты, в которых наиболее полно отражены древние представления об изначальном хаосе, раскрывает, как из первоначальной субстанции формировался мир вещей и роль в этом процессе космических циклов.

Наиболее архаичные представления об изначальном хаосе отражены в мифах, в которых первозданный хаос изображен в зооморфном облике. Наиболее известным является миф из «Каталога гор и морей» о божестве по имени Хуньдунь, внешне похожем на желто-красный мешок, с шестью ногами и четырьмя крыльями, без лица и без глаз [12, с. 73]. Похожий образ также встречается и в предании о жестоком императоре У-и, который велел наполнить кровью кожаный мешок и написал на нем иероглиф «Небо». Своенравный император ежедневно стрелял в этот кожаный мешок, называя это «стрельбой по Небу» [6, с. 174]. Хотя это предание сложилось, когда культы многочисленных божеств отошли в прошлое и были вытеснены культом Неба, в нем прослеживаются черты архаических представлений о таинственном первоначале Вселенной, воплощенном в виде бесформенного мешка.

Целями статьи являются интерпретация образа хаоса, сложившегося в китайской мифологии, анализ космогонических и эсхатологических сюжетов, в которых наиболее полно отражены древние представления об изначальном хаосе и формировании материального мира.

Как отметил Л. Леви-Брюль, в мышлении первобытного человека форма предмета была тесно связана с выполняемыми им функциями: у птицы есть крылья и она летает, у рыбы – плавники и она плавает. Из этого следует, что форма ограничивает предметы, наделяет их функциями, за пределы которых они не смогут выйти [3, с. 32]. Данная мысль приводит к выводу, что в мифе о Хуньдуне его бесформенность указывает на безграничность и всепроницаемость. Подтверждение этому можно найти в даосских текстах, в которых бесформенность, всеохватность и безграничность являются тесно связанными между собой признаками и закрепляются за изначальным состоянием Вселенной – дао.

Другим важным признаком изначального хаоса является его безликость (отсутствие лица и глаз), что подчеркивает отсутствие на этом этапе различий между субъектом и объектом. В хаосе весь мир един, нет ничего, что хаос бы в себя не включал и мог бы воспринять вне самого

себя, это и является состоянием гармонии. Философ III в. до н. э. Чжуан-цзы делает акцент на отсутствии у хаоса глаз, рта, ушей, носа. В его космогонической притче хаос лишен органов чувств и не может отделить себя от окружающего мира. Такое отсутствие противопоставления между воспринимающим и воспринимаемым и создает идеальное изначальное единство.

Широко распространенным в китайской мифологии является сюжет о создании Вселенной в результате семидесяти перерождений первобожества – богини Нюйва. В разных китайских источниках, в том числе в мифах II в. до н. э., она предстает в разных образах: матери-природы, усмирительницы природных катаклизмов, прародительницы человечества. Культ богини Нюйва архаичный и сложный, поэтому при исследовании приходилось постоянно обращаться к мифам других народов, где сохранились данные о хтонических божествах и матери-земле.

В наиболее древних текстах Нюйва предстает как зооморфное божество: с головой быка, телом змеи, черно-белыми волосами на голове, черно-красным телом [5, с. 30]. Постепенно зооморфный образ сменился зооантропоморфным, сохраняя лишь змеиное тело, которое указывает на близость богини к культу земли. Именно так Нюйва изображена на погребальных барельефах эпохи Хань: на крышках каменных гробов, в проемах дверей и арках. Образ богини позволяет сделать вывод о том, что она была охранительницей могил, что является производным от функции матери-природы, ведающей началом и концом жизни [9, с. 123].

Эти архаические представления сохранились в мифологии вьетов, где она известна под именем Ны Оа. Хтонический характер божества передан посредством изображения гипертрофированных женских половых органов. Широко раздвинутые ноги Ны Оа символизируют, что это образ матери-прародительницы, известной и народу яо, населяющему юг Китая. Местное божество, похожее на Ны Оа, не только порождает мир, но и затягивает в свое лоно все сущее. Таким образом подчеркивается амбивалентная природа этого женского божества [4, с. 65].

В китайских космогонических мифах отражена связь Нюйвы не только с рождением, но и со смертью. Например, в памятнике I в. н. э. «Шовэнь Цзецзы», что буквально означает «Объяснение простых и анализ составных иероглифов», образование мира описывается следующим образом: «Нюйва – древняя богиня, превратившаяся в тьму вещей» [13, с. 724]. Здесь стоит обратить особое внимание на употребление иероглифа 化, который обычно переводится на русский язык как ‘превращаться’. Однако в древних текстах данный иероглиф имеет еще несколько значений: ‘вскармливать’, а также ‘смерть’. Из чего следует, что он отражает способность матери-природы и породить, и уничтожить сущее, а также поясняет специфический способ реализации этого цикла жизни и смерти мира – он не более чем цикл превращений хтонического боже-

ства. Иными словами, в образе Нюйвы сочетаются воедино все элементы космогенеза: она и пассивное начало, и активное, и первоначальное состояние мира, и все образованные вещи, а также принципы их существования и конец оформленного мира. В дальнейшем происходит разделение этих функций, например, в мифе из «Хуайнаньцзы» Нюйва выступает уже как пассивное начало, а воплощениями активного творческого принципа становятся сразу несколько божеств: «Хуанди создал инь и ян, Шан Пэнь создал уши и глаза, Сан Линь создал локти и кисти, это и есть семьдесят превращений Нюйвы» [11, с. 248].

Таким образом, в рамках космогонических мифов происходит постепенная эволюция образа Нюйвы: от матери-земли, сочетающей в себе черты активного и пассивного начал, до сугубо пассивного первоначального хаоса. Отголоски наиболее архаичных представлений сохранились в даосской философии и воплотились в категории дао, являясь началом и концом циклического развития вещей, а также законом, регулирующим это развитие.

Как и многим другим народам, китайцам был известен миф о появлении мира из различных частей тела первопредка. В китайской традиции этот мифологический сюжет связан с именем великана Паньгу. «В древности небо и земля пребывали в хаосе, подобном куриному яйцу, в середине этого яйца зародился Паньгу. Спустя восемнадцать тысяч лет небо и земля разделились, ясное и чистое стало небом, а темное и грязное – землей, а Паньгу находился между ними. В день он изменялся девять раз, был духом на небе и мудрецом на земле. Небо с каждым днем становилось выше на один чжан, а земля становилась толще на один чжан, и Паньгу также каждый день вырастал на один чжан. Так продолжалось еще восемнадцать тысяч лет. Небо стало невероятно высоким, земля – прочной, а Паньгу – огромным» [12].

Данный миф записан достаточно поздно в «Собрании литературы, классифицированной по разрядам» (III в. н. э.) и отличается тем, что вообрал в себя многие идеи, которые уже были знакомы китайской мысли, а именно: представления о хаосе как о начале мира и мотив сотворения мира как разделения изначального единства. Последний сюжет был знаком китайцам еще с эпохи неолита и активно использовался в росписи глиняных сосудов культуры яншао [2, с. 37]. Также идея космогенеза как разделения изначального единства разрабатывалась на протяжении нескольких веков даосскими философами, которые придали ей аксиологическое звучание [7, с. 167]. Таким образом, в мифе о создании мира Паньгу, с одной стороны, зафиксированы древние представления об исходном единстве мира и его разделении на противоположные принципы, а с другой стороны, более поздний образ, по сравнению с Нюйвой, отражает перемены, которые произошли в сознании китайского народа:

ведущую роль в процессе космогенеза играет уже не пассивное начало, а активное мужское, персонификацией которого и выступает Паньгу.

Логическим продолжением космогонических мифов являются мифы эсхатологические. В китайской традиции существует несколько сюжетов о вселенских катастрофах, но в рамках данной темы мы рассмотрим только миф из трактата «Хуайнаньцзы», как Нюйва спасла Землю от небесного огня и потопа. Она расплавила пятицветные камни и залатала небо, отрубила ноги великой черепахе и установила четыре предела, убила черного дракона и спасла Цзичжоу, собрала тростниковую золу и преградила путь рекам. Небо было починено, четыре предела установлены, разлившиеся воды высохли, в Цзичжоу воцарился мир, звери убиты, а честные люди спасены. Нюйва сделала землю квадратной, а небо круглым, весну теплой, а лето жарким, осень убивающей, а зиму суровой [12, с. 159].

Согласно данному мифу Нюйва упорядочила мир: починила небо, установила полюса, придала вещам определенные свойства (формы небу и земле, основные качества временам года). В результате ее действий установился идеальный мир, а Нюйва выступает как упорядочивающее начало, определяющее свойства будущих вещей, что сближает ее образ с таким понятием даосской философии, как «дэ» (то, что определяет индивидуальные свойства вещей, делает их такими, какие они есть). Миф обращается к теме утраты устоявшегося мира. Однако вслед за природными катаклизмами следует новый период всеобщего процветания, что позволяет нам определить основную их (катаклизмов) роль в космическом цикле – обновление мира за счет временного соприкосновения с хаосом, выраженного в потере очертаний и возвращении в бесформенное, символами которого и являются вселенские катастрофы [8, с. 60].

Таким образом, в эсхатологических мифах перед нами предстает весь космический цикл мироустройства: *образование мира из хаоса – «золотой век» – постепенная деградация и кризис – частичное восстановление гармонии – повторная деградация и окончательное разрушение.*

В это же время в китайской социально-политической мысли на основе сложившейся при династии Чжоу концепции *небесного Мандата* формируется идея о династических циклах, объясняющая переход власти от одного правящего дома к другому как результат накопления и растраты силы дэ за счет добродетельного или порочного правления. Концепция небесного Мандата рассматривает процесс развития государства как непрерывный и повторяющийся, проходящий в развитии через стадии, аналогичные описанным в эсхатологических мифах: создание новой династии – период реформ и процветания – постепенная утрата дэ и политический кризис – срединное возрождение (период реформ, которые восстанавливают на какое-то время социальную гармонию) – повторная

деградация и окончательная утрата небесного Мандата, то есть права на царствование.

Таким образом, в эсхатологических мифах богиня Нюйва выступает в новой роли. Она уже не олицетворяет порождающую и уничтожающую мать-природу (эта роль теперь отводится воплощенному в стихийной катастрофе хаосу), а выступает как активное упорядочивающее начало. Стоит также отметить, что возвращение к хаосу не вызвано грехами человечества, а является лишь частью цикла, обновляющего одряхлевший мир.

Однако такое возвращение с целью обновления повторяется не только на космическом уровне, но и на уровне социальном – в ритуалах. В первую очередь это касается культов плодородия в честь богини Нюйва. Как и у других народов, у китайцев сформировалось представление о тесной связи между плодородием земли и способностью женщины к деторождению, а также о сходстве между возделыванием почвы и половым актом, что и объясняет оргиастический характер культов, сложившихся вокруг богини. В честь Нюйвы в начале весны проходили праздники, они символизировали оживление природы и отличались свободой нравов: мужчины и женщины могли беспрепятственно проводить время вместе. Такие оргиастические культы представляют собой контролируемое и оправданное с точки зрения жизненной необходимости воссоздание хаоса, чтобы поспособствовать обновлению сил земли [1 с. 81].

Дальнейшее развитие образ Нюйвы получил в мифе о создании ею людей и превращении ее в богиню сватовства и брака Гао Мэй. Оба этих сюжета мы находим в «Толковании обрядов и обычаев» (II в. н. э.): «Когда небо и земля уже были отделены друг от друга, но людей еще не было, Нюйва слепила людей из желтой глины. Работа отнимала у нее много сил и у нее совсем не было времени совершать жертвоприношения. Тогда Нюйва обмакнула веревку в грязь, подняла и так сотворила людей» [10]. В самом начале мифа указывается время, когда были созданы люди: после отделения неба от земли, то есть когда исходное единство уже было утрачено. Другими словами, созданием людей заканчивается процесс космогенеза. В данном сюжете Нюйва выступает как активное начало. Таким образом, в мифе логично развивается идея о божестве как о принципе, придающем миру форму. В эсхатологических мифах говорится, что мир уже утратил гармонию, поэтому Нюйва является носителем упорядочивающей силы, способствует созданию брачных отношений (учредила институт брака). Она принесла богу жертвы с мольбами и превратилась в Великую сваху [Там же].

В различных культурах в ритуалах бракосочетания воссоздается союз между небом и землей, то есть состояние изначального единства мира [8, с. 38]. Итак, будучи Великой свахой, Нюйва как продолжитель-

ница человеческого рода установила ритуал, который на макроуровне воссоздает акт творения и содействует обновлению мира.

Отсюда следует, что вокруг образа Нюйвы складываются культы, призванные поддерживать жизнеспособность оформленного мира за счет возвращения к изначальному хаосу и повторения процесса космогенеза. В основном это касается оргиастических культов плодородия, представляющих собой временное возвращение к хаосу с целью обновления природы, а также ритуалов бракосочетания, которые через союз мужчины и женщины символически воссоздают времена единства противоположных начал.

Таким образом, мы можем сделать следующие *выводы*:

– основные признаки изначального хаоса: бесформенность, непознаваемость, всеохватность и целостность – отражены в наиболее архаичных мифах;

– развитие представлений о хаосе и его роли в процессе космогенеза отражено в эволюции образа богини Нюйва: в ранних космогонических мифах она представляет собой мать-природу, которая единолично творит и уничтожает мир, а также ведает превращениями оформленных вещей, в более поздних представлениях Нюйва становится сугубо пассивным началом;

– если в наиболее ранних космогонических мифах основной акцент делался на пассивном начале и подчеркивалась его значимость в процессе создания мира, то в поздних космогониях, напротив, уделялось особое внимание активному началу, что отражалось в вытеснении образа Нюйвы образом Паньгу;

– в эсхатологических мифах за богиней Нюйва закрепились функции активного, упорядочивающего начала, а воплощением хаоса стали стихийные катастрофы, которые воспринимались как часть естественного космического цикла, призванного обновить одряхлевший мир;

– такую же функцию выполняли и сложившиеся вокруг образа Нюйвы культы: оргиастические, воссоздающие времена, когда все неформленные вещи пребывали в хаосе, и брачные, символизирующие воссоздание изначального хаоса как единства противоположностей.

1. Евзлин, М. Космогония и ритуал / М. Евзлин. – М. : Радикс, 1993. – 344 с.

2. Евсюков, В. В. Мифология китайского неолита: по материалам росписей на керамике культуры яншао / В. В. Евсюков. – Новосибирск : Наука, 1988. – 128 с.

3. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.

4. Рифтин, Б. Л. Новые записи мифологических преданий / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энцикл. : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – М., 2006. – Т. 2 : Мифология. Религия. – С. 58–77.

5. Рифтин, Б. Л. От мифа к роману: эволюция изображения персонажа в китайской литературе / Б. Л. Рифтин. – М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1979. – 360 с.

6. Сыма, Цянь. Исторические записки (Ши цзи) : в 9 т. / Цянь Сыма. – 2-е изд. – М. : Вост. лит. РАН, 2001. – Т. 1. – 415 с.
7. Торчинов, Е. А. Даосизм: опыт историко-религиозного описания / Е. А. Торчинов. – СПб. : Лань, 1998. – 448 с.
8. Элиаде, М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / М. Элиаде ; пер. с фр. Ю. Н. Степанов, Н. К. Гарбовский, А. А. Васильева. – М. : Ладомир, 2000. – 414 с.
9. Яншина, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии : моногр. / Э. М. Яншина. – М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1984. – 248 с.
10. 风俗通义校注 / 中國哲學書電子化計劃 [Электронный ресурс] // Chinese Text Project. – 2014. – Режим доступа: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=481345&remap=gb>. – Дата доступа: 03.02.2018.
11. 淮南子 / 顾迁译注. - 北京:中华书局, 2009. – 306 页 = Хуайнаньцзы / под ред. Гу Цянь. – Пекин : Чжунхуа, 2009. – 306 с.
12. 山海经: 图文珍藏本 / 李润英, 陈焕良注译. - 长沙: 岳麓书社, 2006. – 401 页 = Каталог гор и морей : ил. издание / под ред. Ли Жунин, Чень Хуаньян. – Чанша : Юэлу, 2006. – 401 с.
13. 说文解字 / 柴剑虹编著. 北京:九州出版社, 2001. – 900 页 = Шовэнь Цзецзы / под ред. Чай Цзяньхун. – Пекин : Цзючжоу, 2001. – 900 с.

V. Klimovich

Chaos and its manifestations in the Chinese myths

The concept of chaos, which, developing within the framework of Taoist philosophy, has developed in Chinese mythology, focused on understanding the antinomies of human existence, the relationship of the earthly and cosmic principles, is studied. Analyzing the cosmogonic and eschatological subjects, which most fully reflect the ancient ideas about the primordial chaos, the author reveals how the world of things was formed from the original substance, and the role of cosmic cycles in this process.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 24.05.2018.